

A top-down view of three glasses filled with an amber-colored liquid. The top-right glass contains a slice of dried citrus fruit and a large ice cube. The bottom glass features a fresh rosemary sprig and a large ice cube. The leftmost glass also has a large ice cube and some green herbs. A circular '16+' rating is in the top right corner.

16+

Алексей Бородкин

Неприятность

Алексей Бородкин

Неприятность

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бородкин А. П.

Неприятность / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Этот цинико-лирический детектив заряжен позитивом и философией (помимо криминала). Кроме того, в нём присутствует бытовая мудрость и некоторые практические правила общения мужчины и женщины. О сюжете: на даче известного мецената происходит убийство. Застрелен (посредством пистолета) любовник жены, и не просто жены, а нелюбимой жены. По канонам детективного жанра подозрение падает на дворника, но дворника в имении нет. Есть горничная, есть друг семьи, есть сыщик, есть жених дочери, есть муж. В общем, подозреваемые представлены в ассортименте, и, что характерно, мотивов для убийства тоже достаточно...

Раннее лето; времени – чуть только после обеда. Надежда Львовна уже убрала со стола, но спросила, не нужно ли чего. Шацкий ответил, что нет, ничего не нужно и уткнулся в книгу. Ему удалось раздобыть "контрабандою" последний номер "Ведомостей", в котором – присутствовало такое подозрение – пропечатали его статью о женских повадках и "других вопросах взаимодействия полов".

– А вам, господин Толстой? – Надежда Львовна обратилась к невысокому господину, что стоял на некотором отдалении, покусывал ус и руки заложил друг за дружку, находя эту позу мефистофелевской (раз) и соответствующей моменту (два). – Подать ли вам водки?

– Не стоит утруждаться, – огрызнулся Толстой. – Водку я не каждый день пью. К тому же душно. А впрочем, притащи, голубушка... чего уж... потерявши голову, по волосам не плачут. Ты вот как поступи, душа моя, захвати целый графин, чтобы не бегать дважды.

Обедали в саду, в тени дерёв, однако и это не помогло, не прибавило аппетита. Ели мало, говорили неохотно. Сразу после перемены блюд, поковырявшись в тарелках, домашние разбрелись по усадьбе; у стола остались только Шацкий (Вячеслав Андреевич) и доктор Толстой. Шацкий расположился в кресле, курил, читал электронную книгу. Толстой прохаживался за спиной хозяина усадьбы, ощущал в себе дьявольский подъём и пытался обуздать его, как наездник пытается накинуть аркан на шею норовистой лошади. В подобном состоянии доктор бывал опасен.

– Вы много пьёте, – промежду прочим отметил Шацкий.

– Вам жаль? – с чувством спросил Толстой. – Идите к черту! Вот и не собирался пить, так теперь нарочно выпью.

Подоспела Надежда Львовна с графином и упредительным яблоком в качестве закуски (повадки доктора были хорошо известны в доме). Доктор выпил и не закусил. Налил вторую стопку. Надежда Львовна поспешила удалиться от греха подальше.

– А впрочем, вы правы, – согласился Толстой. – Я много пью.

– Как же вы работаете? – спросил Шацкий, продолжая пролистывать страницы.

Толстой усмехнулся:

– Так и работаю – трезвым. Проклятая физиология, трезвый я бываю зол, как собака. Готов весь мир искушать, матери родной не пощажу. Беспощаден, как Прокруст.

– Вот как?

– Именно так. Злость и беспощадность – два необходимых хирургу качества. Выпив – смягчаю. Становлюсь приторно добр и даже ласков... до тошнотворности. Сюсюкаю с больными, сочувствую их болячкам. Можете вообразить ласкового врача?

– Могу. Отчего же.

– Такой врач мошенник и плут. Вешать таких необходимо. – Толстой выпил ещё стопку, в яблочном диске проковырял отверстие и просунул в него мизинец, получилась коренастая балерина в зеленовато-розовой пачке. – Скажите, Шацкий, почему вы её не прогоните?

– Кого? – хозяин пожевал губами; статьи в журнале не оказалось, во всяком случае, при беглом просмотре она не обнаружилась. – Вы спрашиваете об Афине Генриховне?

– Так точно. При ваших талантах развестись с ней – пара пустяков.

Мужчины синхронно повертели головы. В середине сада, промеж груш бессемянной породы на лужайке резвилась пара "изменников". Впрочем, термин "резвилась" точнее будет применить к другому дуэту (о нём поговорим позднее). Афина Генриховна Шацкая сидела на качелях, молодой мужчина, взявшись за металлическую стропу, покачивал даму в такт своим словам – он говорил стихами:

*Что я скажу? Когда я с вами вместе,
Я отыщу десятки слов,
В которых смысл на третьем месте,
На первом – вы и на втором – любовь.*

*Что я скажу? Зачем вам разбираться?
Скажу, что эта ночь, и звезды, и луна,
Что это для меня всего лишь декорация,
В которой вы играете одна!*

Хозяин дома опустил глаза, изящно взмахнул рукой и молвил:

– Они любят друг друга. Такого вы не допускаете, доктор? Женский век короток, пройдёт ещё пара лет и Афочке станет трудно вскружить мужчине голову. А ей это необходимо, она любит нравиться.

– Как вы порочны! – Толстой покачал головой. – Как вы лживы в глубине своей! Философию пристроили к больному месту. Вам надоела женщина, вы её разлюбили, так и пошлите её прочь! Пятьсот тысяч сразу плюс двадцать пять помесечно и адъёс! Но нет, вы продолжаете держать её возле себя, словно объект... хотя, почему словно? именно, как объект наблюдений. Не любите её, презираете, возможно... однако терпите. Вот тот плюгавый мальчишка у качелей, вот он её любит. Не замечает морщин на шее и дряблой кожи на руках. А вы лживы.

– Ах, доктор, вы хотите от меня больше, чем я способен отдать. Я давно и честно объявил Афочке, что охладел к ней, как к женщине. И предложил решить самой, как поступить. Она... она решила.

Толстой демонстративно сплюнул и выпил стопку. Пробурчал, что водка какая-то вялая, что охмеление задерживается.

– Хмель отстаёт в пути. Ха-ха. К слову, кто он? Я не о хмеле, о мальчишке. Как он оказался здесь?

– Многих деталей я не знаю, – Шацкий оживился, – однако те, что мне известны – весьма пикантны. Ему двадцать шесть, фамилия Ломов, имя Георг, он кончил курс в университете, мечтает завести небольшой похоронный бизнес, памятники и надгробия его страсть. Любит стихи и трогать камень руками.

Через лоб Толстого пробежала морщинка, однако он ничего не сказал, не желая перебивать рассказчика.

– На этой почве и произошло их знакомство... хм... – Шацкий отложил электронную книгу, взглянул на потухшую сигарету, понюхал зачем-то пальцы и продолжил: – Я говорю со слов Афочки, а потому не убеждён, что всему можно доверять... – Доктор нетерпеливо прокрутил ладонью, мол, двигайтесь вперёд, степень доверия установим после. – Она переживала наш... разрыв, находилась в депрессии, подумывала о смерти и даже составила завещание. Если не врёт, конечно. Пришла в контору, что занимается похоронными атрибутами. В ту пору там стажировался Георг. Они с первого взгляда понравились друг другу, промелькнула искра любви... так, кажется, говорят, и Афочка отдалась Ломову. Прямо в мастерской, среди крестов и мраморных надгробий.

– Вы так говорите, – буркнул доктор, – будто и подробности вам известны.

– Конечно! – откликнулся Шацкий. – Афочка всё мне рассказала. В центре мастерской стояла заготовка для... ящик...

– Гроб там стоял, – перебил Толстой. – Давайте называть вещи своими именами.

– Гробом он становится по помещению покойника, – возразил Шацкий, – однако воля ваша – гроб. Гроб полный деревянных стружек. Афочке показалось символичным такое стечение обстоятельств: последний путь, ковчег, её желание умереть и молодой вьюноша Харон.

– Романтично.

– Мне тоже так видится.

Шацкий закурил новую сигарету.

– Могу ли я после такого всплеска осуждать её увлечение?

По тропинке, от пруда возвращались Инга (дочь Шацких) и Серёжа (её жених). Так получилось, что солнце баловалось на поверхности воды; и юная зелень, и яростные блики, и крики уток с противоположной стороны пруда – всё это сопровождало юную пару, как аура... как некий комплимент, отпущенный Природой.

– Вот это я понимаю – любовь, – одобрил Толстой. – Молодые, юные, непорочные... плодитесь и размножайтесь, и всё такое прочее... безо всяких гробов и паскудных опилок.

Тут же, без малейшего перехода доктор спросил, может ли он остаться на ночь:

– Выпил лишнего, – так он оправдал свою просьбу. – Предстоит выпить ещё больше. Но вы не волнуйтесь, пьяный я душка. Худшее, что вы можете ожидать, я стану обниматься, полезу целовать дамам руки и начну убеждать, что вы величайшего ума человек.

– Ах, доктор, могу ли я вам отказать? Имею ли я право? Скажите, а почему так давит сердце? – Шацкий повёл рукою по груди, касаясь левой стороны. – Томление неприятное и вялость мыслей.

– Будет гроза, – уверил Толстой, – по всем приметам судя. Ветер притих, парит, стрижи жмутся к деревьям. Будет гроза, притом вскорости. Ишь как Харон ваш оживился.

Мужчины опять поворотились и взглянули на поляну. Шацкая требовала раскачивать её сильнее, Георг толкал изо всех сил. "Выше! Выше! Сильнее!" – кричала Шацкая, взлетая выше горизонта.

Час с небольшим спустя, небо заволочло тучами, доктор задремал, положив голову на стол и свесив руки к земле (он сделался похож на усталого интеллигентного орангутанга в мятом костюме). На траву упали первые капли. Толстого пришлось поднимать и вести в гостевую комнату; он, как и обещал, улыбался (трансформируя лицо в масляный блин), бубнил комплименты и пускал слюни.

Ужин отложили, а потом и вовсе отменили. Афина Генриховна отправилась вместе с Ломовым "за приключением" в деревню, в деревенский магазин, Шацкий перебил аппетит чаем с крекерами. Инга и Серёжа... молодым и вовсе было не до еды. Они потребовали фруктов и заперлись в своей комнате. Надежда Львовна выполнила просьбу, но злопамятно покачала головой. Обещала отомстить за хамское поведение дурно сваренной овсянкой. Завтра же.

...однако дождь пошел только ночью. Около двух. Часы только что пробили, Шацкий проснулся, подумал, что нужно вынести часы из дому: "к черту на кулички эту пожарную каланчу; в сарай или в погреб – куда угодно", и тут же небо хрустнуло, словно пережаренная хлебная корка, ударило сильно и сухо (кажется, молния угодила в дерево), гром раздался через мгновение, а ещё через несколько секунд опустилась стена дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.